

Андреа
Риккарди

ЖИТЬ ВМЕСТЕ

в 21 веке

Андреа Риккарди
Жить вместе в 21 веке

«Алетейя»

2006

УДК 327.57

ББК 66.4

Риккарди А.

Жить вместе в 21 веке / А. Риккарди — «Алетейя», 2006

ISBN 978-5-90670-501-3

Жить вместе в 21 веке – не просто один из многих вариантов развития общества. Это осознанная необходимость. В городах и селах нашего мира все чаще живут вместе очень разные люди. Разные по культуре, религии, языку, образу жизни. Жить вместе не всегда легко. Все мы разные, но нас объединяют глубинные связи. Во всех наших странах, в России и Италии, в Америке и Азии, необходимо учиться искусству жизни вместе. В познании и встрече, соприкосновениях и отчуждении, в близости и скрещениях творится это искусство жизни вместе, плод политического реализма и надежды. Это реализм перед лицом многополярного мира. Это пожелание не повторять то безумие, когда многообразие приводит к столкновению и конфликту. Благодаря широкой исторической культуре и глубине взгляда автора, знающего мир и человечество нашего времени, книга помогает понять реальность наших стран и предлагает видение совместного будущего.

УДК 327.57

ББК 66.4

ISBN 978-5-90670-501-3

© Риккарди А., 2006

© Алетейя, 2006

Содержание

Введение	6
1. Истории «разводов» между народами	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Андреа Риккарди Жить вместе в 21 веке

All rights reserved.

Published by arrangement with
Marco Vigevani Agenzia Letteraria.

© Gius. Laterza & Figli, 2006

© А. Риккарди, 2006

© С. Файн, перевод, 2014

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

* * *

Comunità di --- **SANT'EGIDIO** ---

Введение Жить вместе?

Порог совместимости. Вопрос из Руанды

В Кигали, столице Руанды, я посетил Kigali Memorial Centre, мемориал геноцида. Было это на Пасху 2005 года. Более десяти лет прошло с тех страшных событий. Но память их жива. Тюремные камеры еще переполнены обвиняемыми, которых будут судить за преступления геноцида. Идущих на работу заключенных можно узнать на улицах по розовой арестантской робе. Проблемы геноцида продолжают тревожить общество. Президент Кагаме ведет твердую политику, стремясь не допустить повторения этого ужаса. Он возглавлял вооруженную борьбу, свергнувшую режим хуту в Кигали и положившую конец убийствам тутси. Для президента нет хуту или тутси, а есть виновные в геноциде и его жертвы. Остается открытым вопрос о том, как и когда будет установлена подлинная демократия. Но есть и другой вопрос, не менее важный: смогут ли жить в безопасности и вместе тутси и хуту?

Мемориальный Центр Кигали хранит страшную память: там можно видеть гробы убитых, ряды экспонатов ведут посетителя к центру музея – в зал, обитый черепами. Мемориал выражает глубокий ужас произошедшего в 1994 году. И встает вопрос: как стало возможным, чтобы соседи убивали тех, с кем были знакомы всю жизнь? Убийцы не пришли издалека, они всегда жили рядом с жертвами. Жан Хацфельд (Jean Hatzfeld) в прекрасной и трагической книге под названием «Сезон мачете» дал слово исполнителям геноцида: они не кажутся чудовищами, чаще всего это нормальные люди, поддавшиеся коллективному безумию под влиянием пропаганды. Убийцы были убеждены, что нельзя больше жить рядом с тутси, что тутси являют собой постоянную угрозу для хуту. Следовательно, их надо было уничтожить.

Экспонаты Мемориального Центра Кигали говорят о страхе жить с другими, страхе, приводящем к убийству. А ведь тутси ничем, даже языком, не отличаются от хуту. Как и в Яд Вашеме, Мемориале Шоа (Катастрофы) в Иерусалиме, в Кигали трогательнее всего память детей. О двенадцатилетней Франсин Муренци Ингабире известно ее любимое блюдо – яичница, и любимый спорт – плавание. Ее убили мачете. У этих детей украли всю жизнь. Зачем? чтобы защитить других детей? И пока мрачно ходишь по залам и коридорам Мемориала, встает вопрос о будущем: как смогут после всего этого жить вместе в мире хуту и тутси? Кагаме своей политикой пытается проложить путь мирного развития страны, хотя международное общественное мнение и критикует его силовые методы. Но и через десять лет после геноцида по-прежнему неспокойно в этой стране со смешанным составом населения и с трагической историей.

Различные этнические группы Руанды разделены между собой не языковыми различиями, а историей, давней и новой дискриминацией, социальными функциями. Между ними бездна геноцида 1994 года. Смогут ли они жить вместе в завтрашней Руанде? Вопрос этот касается не только Руанды, но и Бурунди, страны со сходным этническим составом – хуту и тутси – и тяжелой историей за плечами. Бурунди пошло по другому пути: в стране новый президент хуту и система противовесов между двумя этническими группами.

История Руанды – не исключительный случай в регионе. Это общая проблема. В других формах она стоит в различных странах Африки а, может быть, и мира. Руандийский геноцид вписывается в долгий и трагический ряд подобных ему событий. Это видно в Мемориальном Центре Кигали, где постоянно встают образы геноцидов двадцатого века: массовые убийства африканского народа хереро немцами в Намибии (65.000 погибших в 1904–1905 годах), гено-

цид армян, Шоа, геноцид в Камбодже, Балканы в девяностые годы. Все это совершенно разные истории, но все они являют жестокую сторону прошедшего века. Выходя из мемориала в Кигали, я продолжал спрашивать себя: как жить вместе? Сколько в нашем мире взрывоопасных конфликтов? Это вопросы о Руанде и Бурунди, но не только. Эти вопросы я не раз задавал себе перед лицом трудных ситуаций в Африке. В Африке различные общины (этнические, языковые, религиозные) переплетаются и живут в одной стране, границы которой были грубо прочерчены колонизаторами без учета этнической реальности.

Сложно жить вместе христианам и мусульманам в африканском колоссе – Нигерии. Первым серьезным африканским кризисом после деколонизации была ужасная война 1967–1970 годов за независимость нигерийского района Биафры. Образ голодающего ребенка Биафры стал символом африканской нищеты. Но и в последние десятилетия было немало кризисов. Нелегко жить вместе в Кот д’Ивуар: страна до сих пор разделена на север и юг, мусульман и христиан, неясен статус части населения, состоящей из иммигрантов. В маленькой, но важной стране Того политическая группа наследников покойного президента Эйадемы (Eyadéma) (выражающая интересы с этнического меньшинства, составляющего чуть более 10 % населения) управляет страной, народ которой требует равных прав для всех. И примеры можно продолжить. Жить вместе в рамках единого государства – большая проблема в Африке, особенно из-за слабости государственных структур, обусловленной, в частности, трудной историей независимости многих стран.

Но это не только африканская проблема, связанная с положением на континенте. Она есть и в Азии, от Шри Ланки, десятилетиями страдающей от жестокости герильи, до Индонезии, ведущей борьбу с сепаратизмом в Ачехе. Это история многих меньшинств, требующих себе места, автономии, независимости. История так называемых коренных народов в Гватемале, Боливии, Перу, Эквадоре. Часто это история разных общин, живущих на одной территории, в одних городах. Напряженность, скопившаяся в азиатских обществах, выливается в ожесточение индонезийского большинства против экономически господствующего китайского меньшинства. Китайская исследовательница Ами Чуа (Amy Chua), преподающая в Йельском Университете в Соединенных Штатах, исходя и из опыта жизни своей семьи в диаспоре, указала на риск роста враждебности против экономически сильных меньшинств в обществах, переживающих процессы демократизации и либерализации. Более бедное большинство объявляет себя законным «собственником» общественных благ и обрушивает свой гнев на богатые меньшинства. Так было в Зимбабве под управлением президента Мугабе, откуда были изгнаны английские фермеры, но это может случиться и на Филиппинах, и среди индейцев Боливии.

Этот вопрос касается и нас

Жить вместе – проблема не только окраин мира, начинающих демократий, несвободных государств или стран с произвольно очерченными границами. Вопрос этот стоит и в Европе. Подумаем о Балканах. Войны в бывшей Югославии, в Боснии-Герцеговине поставили проблему сосуществования боснийских мусульман, православных сербов и хорватов-католиков. Много было пролито крови и накоплено ненависти, и кончилось все разделением по этническому признаку. Я близко наблюдал события в Косово, где под властью белградского правительства жило албанское большинство и сербское меньшинство. Проблема остается нерешенной, несмотря на нынешнюю автономию страны. Оставшиеся сербы живут в деревнях, окруженных албанским населением, под защитой международного контингента. Сербское меньшинство живет в невыносимых условиях. Впрочем, вся история бывшей Югославии в 90-е годы – история трагического распада построенной Тито структуры сосуществования народов. Это частично искусственная постройка была создана после распада Габсбургской империи; крах ее означал декларацию южнославянских народов о невозможности жить вместе. И

это произошло после падения Берлинской стены, в то время как в Европе утверждался процесс объединения.

Сегодня вопрос, как жить вместе, стоит и в более спокойных европейских странах. Давно уже идет пробуждение национального самосознания меньшинств, от басков в Испании до Северной Ирландии. Фламандцы и валлоны все больше расшатывают структуры унитарного государства в Бельгии, маленькой стране, игравшей значительную роль в мировой истории в XIX–XX веках, хотя бы благодаря своим обширным колониальным владениям в Конго, Руанде и Бурунди. Однако серьезнее всего эта проблема касается общин иммигрантов из неевропейских стран. Это проблема окраин европейских городов, которая вылилась недавно в целый ряд волнений в пригородах Парижа и других городов Франции, в восстания молодых поколений, в основном детей иммигрантов.

Бунт этих молодых людей – в основном африканского или магрибского происхождения, но по большей части французов во втором или третьем поколении – кажется примитивным «столкновением цивилизаций»: с одной стороны Франция со своими символами, с другой – их бунтарство. Молодежь одинока, без работы и без надежды. Восстание их в некотором смысле вписывается в бунтарскую традицию, характерную для французской истории. С другой стороны, нельзя все объяснить только исламом. Молодежь выражает протест против отверженности и неравенства на элементарном языке – языке насилия. Напряженность эта не новая, и акты насилия совершаются не впервые. Но сейчас все это взорвалось одновременно. Глобализация информации содействует развитию бунтарства. Телевизионная реклама дала молодым людям идентичность: «Мы знамениты, о нас даже CNN говорит», – сказал мне молодой бунтарь в ноябре 2005 года. А другой заявил газете: «Мы готовы пожертвовать всем, потому что у нас ничего нет». За четыре дня, с 5 по 8 ноября, в парижских предместьях было сожжено почти три тысячи автомобилей. Таким способом молодежь утверждала свою идентичность и присутствие во французском обществе: «Жгу, следовательно, существую».

Что за ними стоит? Прежде всего, проблемы пригородов: кризис социальной системы и школы, близости государственных учреждений к людям; уход со сцены коммунистической партии, переводившей протест пролетариата в русло политической борьбы; кризис французского католичества и его приходов, ставившего перед собой после войны задачу пастырского служения в «красных» пригородах. Затем кризис семьи, хотя и говорят, что иммигрантские семьи отличаются от европейских. Но это общая проблема всего западного мира: семья распадается, мужчины и женщины растут одни и не воспитываются в умении жить вместе в семье, где разные по полу, возрасту и способностям люди живут в единстве, с чувством общей судьбы.

Ребята из предместий своим восстанием создают себе элементарную идентичность как реакцию на отверженность в обществе, где они все больше чувствуют бремя неравенства. Это бунт молодых против «старого» общества. Межэтнический состав банд объясняется общей отверженностью, ведь большинство молодых людей происходят из иммигрантских семей. Насилием они привлекают к себе внимание. Они не выдвигают никаких требований, по которым можно было бы вести переговоры; это бунт, выражение глубокого недовольства, и оно нуждается в понимании. Молодые люди чувствуют, что они не нужны городу, не нужны на рынке труда, это не их Франция. Как интегрировать их, как услышать их стремления? Что это, восстание иммигрантов против государства большинства? Вопрос о возможности жить вместе с иммигрантами порой ставился демагогически и агрессивно. А нужно размышлять реалистически и без истерик.

Лондонские теракты июля 2005 года уже стали предупреждением. То, что террористы были гражданами Великобритании (мусульманского вероисповедания и пакистанского происхождения), поставило вопрос, носившийся в воздухе уже давно и ставший особенно острым после 11 сентября 2001 года. Как смогут жить в мире и безопасности коренные европейцы и новые иммигранты, особенно мусульмане? Возможно ли интегрировать исламские

общины? Не скрываются ли в них страшные потенциальные враги? Не с этим ли мы столкнулись в молодых лондонских террористах с британскими паспортами и из благополучных семей? Как возможно тогда продолжать жить вместе и даже позволять этим меньшинствам усиливаться, впуская новые потоки мигрантов? Эти вопросы касаются больших мусульманских общин в Великобритании, Франции и Германии, а также в Голландии и Бельгии. Некоторые вслух называют европейский ислам пятой колонной исламской экспансии в Европе. Великий польский писатель-путешественник Рышард Капушчински (Ryszard Kapuściński) заметил, что интеграция ислама – «один из самых захватывающих вопросов, стоящих перед Европой». Возможно, это главный вопрос ее будущего.

Вопрос этот касается всей иммиграции, с экономической и социальной точки зрения необходимой континенту, переживающему демографический спад. Не меняют ли общины иммигрантов облик Европы, ее идентичность? Британский выбор – позволить иммигрантским общинам развиваться, не навязывая им никакой особой интеграции (как во Франции, например), был поставлен под сомнение лондонскими событиями июля 2005 года. Но если Великобритания плачет, то и Франция, уж конечно, не смеется от восстаний в своих пригородах.

Проблема жизни вместе по-разному стоит в разных регионах, но имеет решающее значение для государственных учреждений, религий, политики и отношений между народами. Можно ли жить вместе, будучи такими разными? Этот вопрос переплетается с другими, не менее важными: что такое на самом деле различие? Где порог совместимости различий?

В пятидесятые годы, когда я, мальчик из Рима, учился в начальной школе на севере Италии, я слышал грубые шутки о выходцах с юга Италии, переехавших на север (тогда их презрительно называли «марокканцами»), и о том, что север работает, а юг ест. Сейчас я улыбаюсь при мысли о тех разделениях между итальянцами с севера и с юга, хотя Лига Севера и пытается снова привлечь к ним внимание. Другие, более драматические проблемы стоят перед нами сегодня, когда идея многокультурного общества трещит по швам. У каждой исторической эпохи свое восприятие порога совместимости с различием. Во Франции в период между двумя войнами казалось, что эмиграция (итальянская, армянская, польская, восточноевропейская) приведет к кризису французской идентичности. Кризиса не случилось, но ничто не повторяется в истории. Сегодня есть серьезное беспокойство относительно порога совместимости и возможности жить вместе разным людям. Терроризм, обагряющий кровью европейские города, обостряет чувствительность к различиям.

На всех уровнях, в самых разных ситуациях, звучит один и тот же вопрос: как жить вместе? Его задают политики и интеллектуалы; но он стоит и перед обычными людьми, наблюдающими за повседневными событиями и не видящими решения проблем, не представляющими себе идеального общества. Однако, задавая себе этот вопрос, мы уже живем вместе на многих широтах. В западной Европе большие города, со своими западно-христианскими традициями и светскими учреждениями, уже имеют многорелигиозный и многоэтнический облик. И так во многих частях мира. Помимо физической и географической близости есть и виртуальное сосуществование: жизнь, культура, вкусы одних доходят до других по каналам глобализации. Традиции и вкусы перемешиваются в глобализованном мире. Путешествия приводят в чужие страны. Эмиграция создает глубокие связи. Мобильность людей, их идей и привычек, не знает границ. Кажется, жить вместе неизбежно. Но это не всегда успокаивает.

«Способны ли мы жить вместе?» – спрашивает исследователь современного общества, француз Ален Турен (Alain Touraine), в названии своей серьезной книги. Этому вопросу я и хотел бы посвятить свои страницы: как жить вместе? Я осознаю, что на него нет единого ответа. Нужны усилия по поиску различных ответов для разных стран, культур и ситуаций. В самые критические моменты, перед лицом катастроф и катаклизмов, особенно настойчиво звучит ответ: нужно укреплять границы и строить больше защитных стен. Но страх – это не ответ.

Современность, как было сказано, неизбежно приводит нас к жизни рядом с другими, отличными от нас. И естественно, встают подобные вопросы, на которые невозможно ответить сразу, но, пожалуй, стоит стараться терпеливо искать ответ.

1. Истории «разводов» между народами

Нация должна быть однородной

В XX веке один за другим исчезли многие примеры проживания вместе, в едином государстве различных народов. «Развод» часто происходил в результате серьезных кризисов, насилия, перемещения населения и массовых убийств. Государство находится в безопасности, в «естественных» условиях – такое мнение, по крайней мере, стало самым распространенным – когда население данной территории, по возможности, однородно и имеет общий язык, происхождение, культуру, религию, общую историю. Именно это образует национальную однородность, которая поддерживает государство. Конечно, и в центре Европы существуют яркие примеры многонациональных и многоконфессиональных государств, таких как Швейцария, но вообще совместная жизнь различных народов стала представляться ситуацией неестественной и полной рисков.

Страшным призраком, нарушавшим в XIX веке сон правителей – особенно трех великих империй: Габсбургской, Османской и Российской – оказалась нация, а не пролетариат. Что же такое нация? На конференции в Сорбонне в 1882 году Эрнест Ренан (Ernst Renan), автор известной книги «Жизнь Христа», почитаемый Третьей Республикой мыслитель, ответил: «Нация – это великая общность, построенная на чувстве уже принесенных жертв и жертв, которые она еще готова совершить совместно». Он решительно добавил, что «существование нации – это (простите за метафору) ежедневный плебисцит». Добрая воля, политика, согласие – то, что называется «плебисцитом», стали решающими элементами в осознании себя нацией, и остаются ими. Известный итальянский историк Федерико Кабод (Federico Chabod) настаивает на том, что этот национализм имеет другие политические корни по сравнению с национализмом немецких нацистов, привязанному к расе и земле. Как бы то ни было, нации и национализм приводят в движение Европу и страны Средиземноморья уже более двух веков.

Национальное самосознание проявляется не только в желании жить вместе, двигаться вместе в будущее и вместе приносить жертвы, но и в решении бороться против других или, по крайней мере, исключить других из своего пространства. На рубеже XIX–XX веков с невероятной скоростью вырисовываются новые политические субъекты, «мы-нация» в Европе и Средиземноморье. В различных случаях и в комбинациях различных элементов создается то единодушие, тот «плебисцит», который делает нацию нацией, и в то же самое время прочерчивает границы между «своими» и «чужими». Но здесь не место говорить об истории национализма как такового. Достаточно вспомнить, что развитие идеи национального самосознания, завоевывающей сердца и умы, во многих случаях кладет конец совместному проживанию народов и различных этнических и религиозных сообществ. Эти различные сообщества вдруг начинают по-новому смотреть друг на друга, потому что чувствуют себя нациями.

Эпоха наций совпадает с распадом многонациональных государств, которые объединяли народы разных религий и этнических групп. Подобное государственное устройство было характерно для Европы и Средиземноморья. Сейчас утверждается реальность национальной идеи, базирующейся на однородности и на маргинализации меньшинств. Это – давняя модель, мы находим ее в Испании в XV веке: стремление к чистоте крови (*limpieza de sangre*) и борьба с евреями и мусульманами. Она отличается от католической традиции, для которой мусульманин или еврей, обратившись, становился христианином и «кровь» уже была не важна.

Против националистической модели выступал вековой имперский и космополитический опыт, оказавший глубокое влияние на европейскую цивилизацию и на сосуществование раз-

личных народов. Новая нация требовала однородности языковой, территориальной, этнической и религиозной. Условия эти не легко было найти на территории, где исторические «отложения» империй создали наслоение различных, порой переплетенных между собой общин. И в противовес тому национализм должен был создать новые ситуации однородности, а потому ассимилировал, обращал в иную веру, а в случае сопротивления изгонял и истреблял.

Балканские драмы

История становления наций не везде одинакова. Она не всегда жестока, но всегда означает смерть империй. Вследствие первой мировой войны, с одной стороны, наступила смерть Габсбургской и Османской империй, с другой – царская империя радикально трансформировалась в СССР. Но нельзя долго жить вместе (если не говорить о крайнем принуждении, примером которого был СССР). История XX века заканчивается страшным распадом Югославии в 90-х годах. Из этой федерации родились Словения, Хорватия (после тяжелого конфликта с сербами), Македония (где живет значительное албанское меньшинство), Сербия и Черногория, Босния и Герцеговина (с 1878 года они находились под властью Австрии и были аннексированы в 1908 году османской империей, затем вошли в состав Югославии в 1918 году).

Босния в 1992–1995 годах пережила очень болезненные события: резню, перемещение народов, этнические чистки. В границах боснийского государства проживали вместе сербы (православные), хорваты (католики) и мусульмане – древнее наследие Османской империи, где народы перемешивались. Мусульманская община (Тито хотел представить её как нацию, чтобы развивать её связи с мусульманскими странами третьего мира) не имела сильной идентичности в коммунистическую эпоху, но в разжигающемся конфликте и под жестким давлением очень быстро ее нашла. Босния и Герцеговина стала эпицентром конфликта, местом, где проявилась вся патология невозможности жить вместе. И решением стал раздел. Так же в 1990 году Словения отделилась от Югославии, но это было проще. А как отделиться, когда разные народы живут в одних и тех же городах на одной и той же земле? Это стало драмой Боснии.

Это – давний и очень болезненный вопрос, который всегда проявляется при расчленении великих империй. Югославия родилась как компромисс после 1918 года, когда распалась Австро-Венгрия, и было решено объединить в маленькой империи вокруг Сербской монархии различные народы, в большинстве своем славянские. За гегемонией сербов после второй мировой войны последовала коммунистическая империя Тито. Но эта мировая война породила в Югославии не только движение сопротивления против итальянских и немецких захватчиков, но и межэтнический конфликт между самими югославами. После войны и после фашистской оккупации итальянцы Истрии и Далмации (примерно 250.000 человек) должны были оставить земли, на которых они жили веками. Тысячи канули в бездну преследований Тито. После победы Италии в первой мировой войне эти земли отошли Италии и были итальянизированы (несмотря на разнообразие проживавших на них народностей); после поражения во второй мировой войне жившие там итальянцы дорого заплатили за эту политику.

На многие десятилетия национальная проблема была заключена в «клетку» династических или коммунистических монархий Югославии: это была «маленькая империя» южных славян, ставшая в коммунистическую эпоху лидером Движения неприсоединения. Конструкция эта рухнула под давлением националистических страстей, несмотря на умело созданную конституционную систему, унаследованную от Тито. С концом коммунистической идеологии возродились националистические чаяния народов, как более сильные в Хорватии и Словении, так и менее заметные, как у мусульман. Особенно ярко проявилось убеждение в невозможности жить вместе, каждой нации хотелось иметь свое государство. Вот уже более ста лет на Балканах и в Восточной Европе постоянно загораются национальные страсти. Часто происходят национальные конфликты, массовые убийства, перемещения народов. Рождаются новые государства.

Косово – древняя колыбель сербской нации, средоточие сербских святынь, сегодня населено в основном албанцами. В 1998 и в 1999 гг. под властью Милошевича албанцы пережили жестокое преследование со стороны сербов, многие погибли или были вынуждены покинуть свою землю. Это было последним актом в Югославской трагедии. Сегодня оставшееся сербское меньшинство, тоже пережив преследования и насилие, проживает под международным контролем и под защитой международных военных сил. Вчерашние угнетатели, сербы стали меньшинством, загнанным почти что в гетто. Ненависть велика. Совершенно справедливо написал Джонатан Сакс (Jonathan Sacks) – философ и богослов, главный раввин Британского содружества: «Вирус ненависти может казаться на какое-то время уснувшим, но он редко умирает. Друзья становятся врагами, соседи – антагонистами. Построить стену и разделить их кажется наименьшим злом, но стены редко прекращают конфликты». Такой стала история Югославии, когда соседи открывают, что не могут больше жить рядом.

Османское наследие: сосуществование и одиночество

Стена разделения представляется решением проблемы, когда жизнь вместе становится адом. Неважно, реальная это стена, как та, которую государство Израиль построило на границе с Палестинскими территориями, или же новая граница, или ввод (временный, но на долгие годы) международного военного контингента.

На Кипре греческая и турецкая части острова более тридцати лет разделены стеной. Кажется, многие годы и километры отделяют сельскохозяйственную турецкую часть от развитой греческой, хотя это части одного острова, разрезанного пополам границей, которая долгое время была на замке. Разделение произошло после того, как в 1974 году потерпел поражение режим сосуществования президента архиепископа Макариоса. Это была хитроумная система равновесия сил, выстроенная, чтобы греки и турки могли жить вместе. Она была свергнута греческими полковниками, а турки, с подозрением глядевшие на эллинистические стремления, не хотели больше признавать ее. Затем турецкое меньшинство усилилось эмиграцией из Анатолии. Смелость разделения кажется самым разумным решением. Может быть, иногда это так и есть. Но часто конкретная ситуация делает разделение крайне болезненным, слишком переплетены и взаимосвязаны бывают общины. На Кипре оно повлекло за собой перемещение населения и неестественный раздел острова между двумя государствами. Но это лишь один пример.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.